ГЕРБЕРТ МАРКУЗЕ
«ОДНОМЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК»

Часть I. ОДНОМЕРНОЕ ОБЩЕСТВО

1. Новые формы контроля

Развитая индустриальная цивилизация – это царство комфортабельной, мирной, умеренной, демократической несвободы, свидетельствующей о техническом прогрессе. В самом деле, что может быть более рациональным, чем подавление индивидуальности в процессе социально необходимых, хотя и причиняющих страдания видов деятельности, или слияние индивидуальных предприятий в более эффективные и производительные корпорации, или регулирование свободной конкуренции между технически по-разному вооруженными экономическими субъектами, или урезывание прерогатив и национальных суверенных прав, препятствующих международной организации ресурсов. И хотя то, что этот технологический порядок ведет также к политическому и интеллектуальному координированию, может вызывать сожаление, такое развитие нельзя не признать перспективным.

Права и свободы, игравшие роль жизненно важных факторов на ранних этапах индустриального общества, утрачивают свое традиционное рациональное основание и содержание и при переходе этого общества на более высокую ступень сдают свои позиции. Свобода мысли, слова и совести – как и свободное предпринимательство, защите и развитию которого они служили, – первоначально выступали как критические по своему существу идеи, предназначенные для вытеснения устаревшей материальной и интеллектуальной культуры более продуктивной и рациональной. Но, претерпев институционализацию, они разделили судьбу общества и стали его составной частью. Результат уничтожил предпосылки.

В той степени, в которой свобода от нужды как конкретная сущность всякой свободы становится реальной возможностью, права и свободы, связанные с государством, обладающим более низкой производительностью, утрачивают свое прежнее содержание. Независимость мысли, автономия и право на политическую оппозиционность лишаются своей фундаментальной критической функции в обществе, которое, как очевидно, становится все более способным удовлетворить потребности индивидов благодаря соответствующему способу их организации. Такое государство вправе требовать принятия своих принципов и институтов и стремиться свести оппозицию к обсуждению и развитию альтернативных направлений

в политике в пределах status quo. В этом отношении, по-видимому, вполне безразлично, обеспечивается ли возрастающее удовлетворение потребностей авторитарной или неавторитарной системой. В условиях повышающегося уровня жизни неподчинение системе кажется социально бессмысленным, и уж тем более в том случае, когда это сулит ощутимые экономические и политические невыгоды и грозит нарушением бесперебойной деятельности целого. Разумеется, по меньшей мере в том, что касается первых жизненных необходимостей, не видно причины, по которой производство и распределение товаров и услуг должно осуществляться через согласование индивидуальных свобод путем конкуренции.

Свобода предпринимательства с самого начала вовсе не была путем, усыпанным розами. Как свобода работать или умереть от голода она означала мучительный труд, ненадежность и страх для подавляющего большинства населения. И если бы индивиду больше не пришлось как свободному экономическому субъекту утверждать себя на рынке, исчезновение свободы такого рода стало бы одним из величайших достижений цивилизации. Технологические процессы механизации и стандартизации могли бы высвободить энергию индивидов и направить ее в еще неведомое царство свободы по ту сторону необходимости. Это изменило бы саму структуру человеческого существования; индивид, избавленный от мира труда, навязывающего ему чуждые потребности и возможности, обрел бы свободу для осуществления своей автономии в жизни, ставшей теперь его собственной. И если бы оказалось возможным организовать производственный аппарат так, чтобы он был направлен на удовлетворение витальных потребностей, и централизовать его управление, то это не только не помешало бы автономии индивида, но сделало бы ее единственно возможной.

Такая задача, «конец» технологической рациональности, вполне по силам развитому индустриальному обществу. В действительности, однако, мы наблюдаем противоположную тенденцию: аппарат налагает свои экономические и политические требования защиты и экспансии как на рабочее, так и на свободное время, как на материальную, так и на интеллектуальную культуру. Сам способ организации технологической основы современного индустриального общества заставляет его быть тоталитарным; ибо «тоталитарное» здесь означает не только террористическое политическое координирование общества, но также нетеррористическое экономико-техническое координирование, осуществляемое за счет манипуляции потребностями посредством имущественных прав. Таким образом, создаются препятствия для появления действенной оппозиции внутри целого. Тоталитаризму способствует не только специфическая форма правительства или правящей партии, но также специфическая система производства и распределения, которая вполне может быть совместимой с «плюрализмом» партий, прессы, «соперничающих сил» и т. п.

В настоящее время политическая власть утверждает себя через власть над процессом машинного производства и над технической организацией аппарата. Правительство развитого и развивающегося индустриального общества может удерживать свое положение только путем мобилизации, организации и эксплуатации технической, научной и механической продуктивности, которой располагает индустриальная цивилизация. Эта продуктивность мобилизует общество как целое поверх и помимо каких бы то ни было частных индивидуальных и групповых интересов. Тот грубый факт, что физическая (только ли физическая?) сила машины превосходит силу индивида или любой группы индивидов, делает машину самым эффективным политическим инструментом в любом обществе, в основе своей организованного как механический процесс. Но эту политическую тенденцию не следует считать необратимой; в сущности, сила машины – это накопленная и воплощенная сила человека. И в той степени, в которой в основе мира труда лежит идея машины, он становится потенциальной основой новой человеческой свободы.

Современное индустриальное общество достигло стадии, на которой оно уже не поддается определению в традиционных терминах экономических, политических и интеллектуальных прав и свобод; и не потому, что они потеряли свое значение, но потому, что их значимость уже не вмещается в рамки традиционных форм. Требуются новые способы реализации, которые бы отвечали новым возможностям общества.

Однако поскольку такие новые способы равносильны отрицанию прежде преобладавших способов реализации, они могут быть указаны только в негативных терминах. В этом смысле экономическая свобода означала бы свободу от экономики – от контроля со стороны экономических сил и отношений, свободу от ежедневной борьбы за существование и зарабатывания на жизнь, а политическая – освобождение индивидов от политики, которую они не могут реально контролировать. Подобным же образом смысл интеллектуальной свободы состоит в возрождении индивидуальной мысли, поглощенной в настоящее время средствами массовой коммуникации и воздействия на сознание, в упразднении «общественного мнения» вместе с теми, кто его создает. То, что эти положения звучат нереалистично, доказывает не их утопический характер, но мощь тех сил, которые препятствуют их реализации. И наиболее эффективной и устойчивой формой войны против освобождения является насаждение материальных и интеллектуальных потребностей, закрепляющих устаревшие формы борьбы за существование.

Интенсивность, способ удовлетворения и даже характер небиологических человеческих потребностей всегда были результатом преформирования. Возможность делать или не делать, наслаждаться или разрушать, иметь или отбросить становится или не становится потребностью в зависимости от того, является ли она желательной и необходимой для господ-

ствующих общественных институтов и интересов или нет. В этом смысле человеческие потребности историчны, и в той степени, в какой общество обусловливает репрессивное развитие индивида, потребности и притязания последнего на их удовлетворение подпадают под действие доминирующих критических норм.

Мы можем различать истинные и ложные потребности. «Ложными» являются те, которые навязываются индивиду особыми социальными интересами в процессе его подавления: это потребности, закрепляющие тягостный труд, агрессивность, нищету и несправедливость. Утоляя их, индивид может чувствовать значительное удовлетворение, но это не то счастье, которое следует оберегать и защищать, поскольку оно (и у данного, и у других индивидов) сковывает развитие способности распознавать недуг целого и находить пути к его излечению. Результат – эйфория в условиях несчастья. Большинство преобладающих потребностей (расслабляться, развлекаться, потреблять и вести себя в соответствии с рекламными образцами, любить и ненавидеть то, что любят и ненавидят другие) принадлежат именно к этой категории ложных потребностей.

Такие потребности имеют общественное содержание и функции и определяются внешними силами, контроль над которыми индивиду недоступен; при этом развитие и способы удовлетворения этих потребностей гетерономны. Независимо от того, насколько воспроизводство и усиление таких потребностей условиями существования индивида способствуют их присвоению последним, независимо от того, насколько он отождествляет себя с ними и находит себя в их удовлетворении, они остаются тем, чем были с самого начала – продуктами общества, господствующие интересы которого требуют репрессии.

Преобладание репрессивных потребностей – свершившийся факт, принятый в неведении и отчаянии; но это факт, с которым нельзя мириться как в интересах довольного своим положением индивида, так и всех тех, чья нищета является платой за его довольство. Безоговорочное право на удовлетворение имеют только первостепенные потребности: питание, одежда, жилье в соответствии с достигнутым уровнем культуры. Их удовлетворение является предпосылкой удовлетворения всех потребностей, как несублимированных, так и сублимированных.

Для совести, сознания и опыта тех, кто не принимает господствующие общественные интересы за верховный закон мышления и поведения, утвердившийся универсум потребностей и способов удовлетворения является фактом, подлежащим проверке – проверке на истинность и ложность. Поскольку эти термины сплошь историчны – исторична и их объективность. Оценка потребностей и способов их удовлетворения при данных условиях предполагает нормы приоритетности – нормы, подразумевающие оптимальное развитие индивида, т. е. всех индивидов при оптимальном использовании материальных и интеллектуальных ресурсов, которыми

располагает человек. Ресурсы вполне поддаются исчислению. «Истинность» и «ложность» потребностей же обозначают объективные условия в той мере, в которой универсальное удовлетворение первостепенных потребностей и, сверх того, прогрессирующее облегчение тяжелого труда и бедности являются всеобще значимыми нормами. Тем не менее как исторические нормы они не только различаются в зависимости от страны и стадии общественного развития, но также могут быть определены только в (большем или меньшем) противоречии с господствующими нормами. Но вот вопрос: кто вправе претендовать на то, чтобы выносить решение?

Право на окончательный ответ в вопросе, какие потребности истинны и какие ложны, принадлежит самим индивидам – но только на окончательный, т. е. в том случае и тогда, когда они свободны настолько, чтобы дать собственный ответ. До тех пор, пока они лишены автономии, до тех пор, пока их сознание – объект внушения и манипулирования (вплоть до глубинных инстинктов), их ответ нельзя считать принадлежащим им самим. Однако и никакая инстанция не полномочна присвоить себе право решать, какие потребности следует развивать и удовлетворять. Всякий суд достоин недоверия, хотя наш отвод не отменяет вопроса: как могут люди, сами потакающие превращению себя в объект успешного и продуктивного господства, создать условия для свободы?

Чем более рациональным, продуктивным, технически оснащенным и тотальным становится управление обществом, тем труднее представить себе средства и способы, посредством которых индивиды могли бы сокрушить свое рабство и достичь собственного освобождения. Действительно, в-Разум-ить (to impose Reason) все общество – идея парадоксальная и скандальная, но, пожалуй, можно поставить под сомнение справедливость того общества, которое смеется над такой идеей, а между тем превращает население в объект тотального администрирования. Всякое освобождение неотделимо от осознания рабского положения, и преобладающие потребности и способы удовлетворения, в значительной степени усвоенные индивидом, всегда препятствовали формированию такого сознания. Одна система всегда сменяется другой, но оптимальной задачей остается вытеснение ложных потребностей истинными и отказ от репрессивного удовлетворения.

Отличительной чертой развитого индустриального общества является успешное удушение тех потребностей, которые требуют освобождения – в том числе от такого притеснения, которое вполне терпимо или даже сулит вознаграждение и удобства, тем самым поддерживая деструктивную силу и репрессивную функцию общества изобилия. Такое управление обществом стимулирует неутолимую потребность в производстве и потреблении отходов, потребность в отупляющей работе там, где в ней больше нет реальной необходимости, потребность в релаксации, смягчающей и продлевающей это отупление, потребность в поддержании таких обман-

чивых прав и свобод, как свободная конкуренция при регулируемых ценах, свободная пресса, подвергающая цензуре самое себя, свободный выбор между равноценными торговыми марками и ничтожной товарной мелочью при глобальном наступлении на потребителя.

Под мастью репрессивного целого права и свободы становятся действенным инструментом господства. Для определения степени человеческой свободы решающим фактором является не богатство выбора, предоставленного индивиду, но то, что может быть выбрано и что действительно им выбирается. Хотя критерий свободного выбора ни в коем случае не может быть абсолютным, его также нельзя признать всецело относительным. Свободные выборы господ не отменяют противоположности господ и рабов. Свободный выбор среди широкого разнообразия товаров и услуг не означает свободы, если они поддерживают формы социального контроля над жизнью, наполненной тягостным трудом и страхом, – т. е. если они поддерживают отчуждение. Также спонтанное воспроизводство индивидом навязываемых ему потребностей не ведет к установлению автономии, но лишь свидетельствует о действенности форм контроля.

Наше настойчивое указание на глубину и эффективность этих форм контроля может вызвать возражение вроде того, что мы в значительной степени переоцениваем силу внушения «масс-медиа» и что навязываемые людям потребности могут возникать и удовлетворяться самопроизвольно. Такое возражение упускает суть дела. Преформирование начинается вовсе не с массового распространения радио и телевидения и централизации контроля над ними. Люди вступают в эту стадию уже как преформированные сосуды долгой закалки, и решающее различие заключается в стирании контраста (или конфликта) между данными и возможными, удовлетворяемыми и неудовлетворяемыми потребностями. Здесь свою идеологическую функцию обнаруживает так называемое уравнивание классовых различий. Если рабочий и его босс наслаждаются одной и той же телепрограммой и посещают одни и те же курорты, если макияж секретарши не менее эффектен, чем у дочери ее начальника, если негр водит «кадиллак» и все они читают одни и те же газеты, то это уподобление указывает не на исчезновение классов, а на степень усвоения основным населением тех потребностей и способов их удовлетворения, которые служат сохранению истеблишмента.

Бесспорно, в наиболее высокоразвитых странах современного общества трансплантация общественных потребностей в индивидуальные настолько успешна, что различие между ними кажется чисто теоретическим. Можно ли реально провести черту между средствами массовой информации как инструментами информации и развлечения и как агентами манипулирования и воздействия на сознание? Между автомобилем как фактором опасности и как удобством? Между безобразием и удобством функциональной архитектуры? Между работой на национальную безопасность

и на процветание корпорации? Между удовольствием частного индивида и коммерческой и политической пользой от увеличения рождаемости?

Мы вновь сталкиваемся с одним из самых угнетающих аспектов развитой индустриальной цивилизации: рациональным характером его иррациональности. Его продуктивность, его способность совершенствовать и все шире распространять удобства, превращать в потребность неумеренное потребление, конструктивно использовать дух разрушения, то, в какой степени цивилизация трансформирует объективный мир в продолжение человеческого сознания и тела, – все это ставит под сомнение само понятие отчуждения. Люди узнают себя в окружающих их предметах потребления, прирастают душой к автомобилю, стереосистеме, бытовой технике, обстановке квартиры. Сам механизм, привязывающий индивида к обществу, изменился, и общественный контроль теперь коренится в новых потребностях, производимых обществом.

Преобладающие формы общественного контроля технологичны в новом смысле. Разумеется, в рамках современного периода истории техническая структура и эффективность продуктивного и деструктивного аппарата играли важнейшую роль в подчинении народных масс установившемуся разделению труда. Кроме того, такая интеграция всегда сопровождалась более явными формами принуждения: недостаточность средств существования, карманные правосудие, полиция и вооруженные силы – все это имеет место и сейчас. Но в современный период технологические формы контроля предстают как воплощения самого Разума, направленные на благо всех социальных групп и удовлетворение всеобщих интересов, так что всякое противостояние кажется иррациональным, а всякое противодействие немыслимым.

Неудивительно поэтому, что в наиболее развитых цивилизованных странах формы общественного контроля были интроектированы до такой степени, что индивидуальный протест подавляется уже в зародыше. Интеллектуальный и эмоциональный отказ «следовать вместе со всеми» предстает как свидетельство невроза и бессилия. Таков социально-психологический аспект политических событий современного периода: исторические силы, которые, как казалось, сулили возможность новых форм существования, уходят в прошлое.

Однако термин «интроекция», по-видимому, уже недостаточен для описания воспроизводства и закрепления индивидом форм внешнего контроля, осуществляемых его обществом. Интроекция, подразумевая разнообразие и до некоторой степени спонтанность процессов, посредством которых Я (Эго) переводит «внешнее» во «внутреннее», предполагает, таким образом, существование внутреннего измерения, отличного и даже антагонистичного внешним нуждам, – индивидуальное сознание и индивидуальное бессознательное помимо общественного мнения и поведения. Здесь реальная основа понятия «внутренней свободы»: оно обозначает

личное пространство, в котором человек имеет возможность оставаться «самим собой».

В современную эпоху технологическая реальность вторгается в это личное пространство и сводит его на нет. Массовое производство и распределение претендуют на всего индивида, а индустриальная психология уже давно вышла за пределы завода. Многообразные процессы интроекции кажутся отвердевшими в почти механических реакциях. В результате мы наблюдаем не приспособление, но мимесис: непосредственную идентификацию индивида со своим сообществом и через это последнее с обществом как целым.

Непосредственная, автоматическая идентификация, характерная для примитивных форм ассоциирования, вновь возникает в высокоразвитой индустриальной цивилизации; однако эта новая «непосредственность» является продуктом изощренного, научного управления и организации, которые сводят на нет «внутреннее» измерение сознания – основу оппозиции status quo. Утрата этого измерения, питающего силу негативного мышления – критическую силу Разума, – является идеологическим соответствием тому материальному процессу, в котором развитое индустриальное общество усмиряет и примиряет оппозицию. Под влиянием прогресса Разум превращается в покорность фактам жизни и динамической способности производить больше и больше фактов жизни такого рода. Эффективность системы притупляет способность индивида распознавать заряженность фактов репрессивной силой целого. И если индивиды обнаруживают, что их жизнь формируется окружающими их вещами, то при этом они не создают, а принимают закон явлений – но не закон физики, а закон своего общества.

Я уже отметил, что понятие отчуждения делается сомнительным, когда индивиды отождествляют себя со способом бытия, им навязываемым, и в нем находят пути своего развития и удовлетворения. И эта идентификация – не иллюзия, а действительность, которая, однако, ведет к новым ступеням отчуждения. Последнее становится всецело объективным, и отчужденный субъект поглощается формой отчужденного бытия. Теперь существует одно измерение – повсюду и во всех формах. Достижения прогресса пренебрегают как идеологическим приговором, так и оправданием, перед судом которых «ложное сознание» становится истинным.

Однако это поглощение идеологии действительностью не означает «конца идеологии». Напротив, в специфическом смысле развитая индустриальная культура становится даже более идеологизированной, чем ее предшественница, ввиду того, что идеология воспроизводит самое себя[1]. Провокативная форма этого суждения вскрывает политические аспекты господствующей технологической рациональности. Аппарат производства и производимые им товары и услуги «продают» или навязывают соци-

[1] *Adorno, Theodor W*. Prismen. Kulturkritik und Gesellschaft. – Frankfurt, 1955. – S. 24.

альную систему как целое. Транспортные средства и средства массовой коммуникации, предметы домашнего обихода, пища и одежда, неисчерпаемый выбор развлечений и информационная индустрия несут с собой предписываемые отношения и привычки, устойчивые интеллектуальные и эмоциональные реакции, которые привязывают потребителей посредством доставляемого им большего или меньшего удовольствия к производителям и через этих последних – к целому. Продукты обладают внушающей и манипулирующей силой; они распространяют ложное сознание, снабженное иммунитетом против собственной ложности. И по мере того, как они становятся доступными для новых социальных классов, то воздействие на сознание, которое они оказывают, перестает быть просто рекламой; оно превращается в образ жизни. И это вовсе не плохой образ жизни – он гораздо лучше прежнего, – но именно поэтому он становится на пути качественных перемен. Как следствие, возникает модель одномерного мышления и поведения, в которой идеи, побуждения и цели, трансцендирующие по своему содержанию утвердившийся универсум дискурса и поступка, либо отторгаются, либо приводятся в соответствие с терминами этого универсума, вписываются в рациональность данной системы и ее количественных измерений.

Параллель этой тенденции можно увидеть в развитии научных методов: операционализм в физике, бихевиоризм в социальных науках. Их общая черта в тотально эмпирической трактовке понятий, значение которых сужается до частных операций и поведенческих реакций. Прекрасной иллюстрацией операциональной точки зрения может служить анализ понятия длины у Бриджмена.

Очевидно, что нам известно то, что мы подразумеваем под длиной, если мы можем определить длину любого объекта, а для физика ничего другого и не требуется. Для того чтобы измерить длину какого-либо объекта, следует выполнить некоторые физические операции. Таким образом, понятие длины определяется с определением операций, необходимых для ее измерения: это означает, что понятие длины подразумевает не более чем набор операций, посредством которых устанавливается длина. Вообще говоря, под любым понятием мы подразумеваем не более чем набор операций; понятие синонимично соответствующему набору операций[1].

Бриджмен понимал широкие следствия такого способа мышления для общества в целом: «Принятие операциональной точки зрения предполагает нечто большее, чем просто ограничение обычного способа понимания

[1] *Bridgeman, P.W.* The Logic of Modern Physics. – N. Y., 1928. – P. 5. С тех пор операциональная доктрина претерпела видоизменения и стала утонченнее. Сам Бриджмен распространил понятие «операция» на операции «с бумагой и карандашом», производимые теоретиком (*Frank, Philip J.* The Validation of Scientific Theories. – Boston, 1954. – Chap. II). Но основная движущая сила сохраняется: остается «желательным», чтобы операции с карандашом и бумагой «можно было фактически, хотя бы и непрямо, соотнести с инструментальными операциями».

”понятия“, это означает далеко идущие изменения во всех наших мыслительных привычках, в том смысле, что мы отказываемся от использования как инструментов нашего мышления понятий, о которых мы не можем дать точный отчет в операциональных терминах»[1].

Предсказания Бриджмена сбылись. Новый способ мышления в настоящее время доминирует в философии, психологии, социологии и других областях. Большое количество понятий, доставляющих наиболее серьезное беспокойство, было «элиминировано» путем демонстрации невозможности дать о них точный отчет в терминах операций или поведенческих реакций. Радикальный натиск эмпиризма <…> обеспечивает, таким образом, методологическое оправдание интеллектуалистского развенчания сознания – т. е. для позитивизма, который, отрицая трансцендентные элементы Разума, формирует академического двойника социально желательного поведения.

За пределами же академической сферы «далеко идущие изменения во всех наших мыслительных привычках» еще более серьезны. Они служат координированию любых идей и целей с идеями и целями, угодными системе, встраивая их в эту систему и отторгая те из них, которые не поддаются приспособлению к ней. Царство подобного одномерного общества не означает господства материализма и отмирания спиритуалистских, метафизических и богемных установок. Напротив, можно видеть огромное число их своеобразных форм: «Молимся вместе на этой неделе», «Давайте обратимся к богу», дзэн, экзистенциализм, битничество и т. п. Однако такие формы протеста и трансцендирования перестали быть негативными и уже не приходят в противоречие со status quo. Скорее они являются церемониальной частью практического бихевиоризма, его безвредным отрицанием, и status quo легко переваривает их как часть своей оздоровительной диеты.

Одномерное мышление систематически насаждается изготовителями политики и их наместниками в средствах массовой информации. Универсум их дискурса внедряется посредством самодвижущихся гипотез, которые, непрерывно и планомерно повторяясь, превращаются в гипнотически действующие формулы и предписания. К примеру, «свободными» являются те институты, которые действуют (и приводятся в действие) в Свободном Мире; остальные трансцендентные формы свободы по определению записываются в разряд анархизма, коммунизма или пропаганды. Подобным образом всякие посягательства на частное предпринимательство, которые исходят не от него самого (или правительственных решений), такие как система всеобщего и всеохватывающего здравоохранения, или защита природы от чересчур активной коммерциализации, или учреждение общественных услуг, чреватых ущербом для частных прибылей, являют-

[1] *Bridgeman, P.W.* The Logic of Modem Physics. – P. 31.

ся «социалистическими». Подобная тоталитарная логика свершившихся фактов имеет свое соответствие на Востоке. Там свобода провозглашена образом жизни, установленным коммунистическим режимом, в то время как все остальные трансцендентные формы свободы объявляются либо капиталистическими, либо ревизионистскими, либо левым сектантством. И в том, и в другом лагере неоперационалистские идеи воспринимаются как подрывные и изгоняются из образа жизни, а всякое движение мысли упирается в барьеры, провозглашаемые границами самого Разума.

Подобное ограничение мысли, разумеется, не ново. Как в его спекулятивной, так и эмпирической форме набиравший силу современный рационализм обнаружил поразительный контраст между крайним критическим радикализмом научных и философских методов, с одной стороны, и некритическим квиетизмом перед утвердившимися и функционирующими социальными институтами – с другой. Так декартовское ego cogitans вынуждено было оставить нетронутыми «большие общественные тела», по мнению Гоббса, «поддержку и внимание всегда предпочтительнее отдавать настоящему», а Кант согласился с Локком в оправдании революции в том случае и тогда, когда она преуспевает в организации целого и предотвращении краха.

Однако такие примирительные концепции Разума всегда находились в противоречии с неприкрытой нищетой и несправедливостью «больших общественных тел» и успешными, более или менее сознательными восстаниями против них. Провоцируя разобщение и способствуя ему в рамках установившегося положения вещей, общественные условия создавали некое личное, а также политическое измерение, в котором это разобщение могло развиться в действенную оппозицию, испытывающую свою силу и значимость своих целей.

По мере сворачивания обществом этого измерения самоограничение мышления становится все более существенным. Связь между научно-философскими и общественными процессами, между теоретическим и практическим Разумом утверждается «за спиной» ученых и философов. Блокируя как тип оппозиционные действия и формы поведения, общество делает иллюзорными и бессмысленными связанные с ними понятия. Теперь историческое трансцендирование предстает как исключительно метафизическое, неприемлемое для науки и научного мышления. Мы видим, что операциональная точка зрения, действующая в широком масштабе как «мыслительная привычка», начинает представительствовать за весь универсум дискурса и поступка, потребностей и побуждений. Как это не раз случалось, «коварство Разума» обнаруживает свою приверженность интересам властвующих сил. Разворачивается наступление операциональных и бихевиористских понятий, направленное против усилий свободной мысли и образа действий, отвергающих данную действительность во имя подавляемых альтернатив. В итоге теоретический и практический разум,

академический и социальный бихевиоризм встречаются на общей почве – почве развитого общества, превращающего научный и технический прогресс в инструмент господства.

Понятие «прогресса» вовсе не нейтрально, оно преследует специфические цели, определяемые возможностями улучшения условий человеческого существования. Развитое индустриальное общество приближается к такой стадии, когда продвижение вперед может потребовать радикального изменения современного направления и организации прогресса. Эта стадия будет достигнута, когда автоматизация материального производства (включая необходимые услуги) сделает возможным Удовлетворение первостепенных потребностей и одновременное превращение времени, затрачиваемого на работу, в маргинальное время жизни. Переход через эту точку означал бы трансцендирование техническим прогрессом царства необходимости, внутри которого он служил инструментом господства и эксплуатации, ограничивая этим свою рациональность; за счет этого технология стала бы субъектом свободной игры способностей, направленной на примирение природы и общества.

Такое состояние предвосхищено понятием Маркса «упразднение труда». Однако термин «умиротворение существования» кажется более подходящим для обозначения исторической альтернативы миру, который посредством международного конфликта, трансформирующего и консервирующего противоречия существующих обществ, подталкивает к глобальной войне. «Умиротворение существования» означает развитие борьбы человека с человеком и с природой в таких условиях, когда соперничающие потребности, желания и побуждения уже не преобразовываются в господство и нужду посредством имущественных прав, т. е. означает конец организации, увековечивающей деструктивные формы борьбы.

В современном обществе борьба против этой исторической альтернативы находит устойчивую массовую поддержку в основных слоях населения, а свою идеологию – в строгой ориентации мышления и поведения на данный универсум фактов. Усиленный достижениями науки и технологии и оправданный возрастающей производительностью, status quo создает препоны для всякого трансцендирования. Зрелое индустриальное общество, сталкиваясь с возможностью умиротворения на основе технических и интеллектуальных достижений, закрывает себя, стремясь избежать этой альтернативы, в результате чего операционализм в теории и практике становится теорией и практикой сдерживания. Нетрудно видеть, что под покровом поверхностной динамики этого общества скрывается всецело статическая система жизни – система, приводящая себя в движение с помощью угнетающей производительности и нацеленного на выгоду координирования. Сдерживание технического прогресса идет рука об руку с развитием в утвердившемся направлении и вопреки тем политическим оковам, которые налагает status quo; чем более технология становится способной создать

условия для умиротворения, тем с большей жесткостью умы и тела людей настраиваются против этой альтернативы.

Повсюду в наиболее развитых странах индустриального общества представлены две следующие черты: тенденция к завершению технологической рациональности и интенсивные усилия удержать эту тенденцию в рамках существующих институтов. В этом и состоит внутреннее противоречие нашей цивилизации, т.е. в иррациональном элементе ее рациональности, которым отмечены все ее достижения. Индустриальное общество, овладевающее технологией и наукой, по самой своей организации направлено на все усиливающееся господство человека и природы, все более эффективное использование ее ресурсов. Поэтому, когда успех этих усилий открывает новые измерения для реализации человека, оно становится иррациональным. Организация к миру и организация к войне суть две разные организации, и институты, которые служили борьбе за существование, не могут служить умиротворению существования. Между жизнью как целью и жизнью как средством – непреодолимое качественное различие.

Такой качественно новый способ существования непозволительно рассматривать как простой побочный продукт экономических и политических перемен или более или менее спонтанный эффект введения новых институтов, способных к созданию необходимых предпосылок. Качественная перемена означает также изменение технической основы, на которой покоится общество, – основы, на которой держатся экономические и политические институты, стабилизирующие «вторую природу» человека как агрессивного объекта управления. Методы индустриализации суть политические методы, и как таковые они предрешают возможности Разума и Свободы.

<...>

Достигая этой точки, господство под маской изобилия и свобод распространяется на все сферы частного и публичного существования, интегрирует всякую подлинную оппозицию и поглощает все альтернативы. Становится очевидным политический характер технологической рациональности как основного средства усовершенствования господства, создающего всецело тоталитарный универсум, в котором общество и природа, тело и душа удерживаются в состоянии постоянной мобилизации для защиты этого универсума.

© Митрошенков О.А., составитель, 2009